

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Б.Гройс

"SILENTIUM!" ТОТЧЕВА

(анализ в хайдеггеровской манере)

„*SILENTIUM!*“ Тютчева – стихотворение. Стихотворение не только звучит, но оно также и говорит. Мы принадлежим стихотворению, потому что слушаем его. Слушание подразумевает речь и само является модификацией речи. Говоря о стихотворении мы говорим о речи. Говорить о речи нелегко, чтобы сделать нашу речь о речи существенной, мы должны выявить расчлененное целое, делающее наглядной структуру всякого говорения. Чтобы вести речь о говорении, следует ответить на следующие четыре вопроса:

1. Кто говорит?
2. Что говорится?
3. О чем идет речь?
4. К кому речь обращена?

Эти четыре вопроса не изолированы друг от друга, и ответы на них не сообщают нам о четырех различных "свойствах" речи. Эти четыре вопроса определяют целое речи и впервые делают возможным разговор о ней.

На первый взгляд кажется, что говорит стихотворение или что говорит поэт, чьим именем стихотворение подписано. Однако стихотворение есть лишь нечто, встречающееся-в-мире, имеющееся -под-рукой, т.е. некая написанная страница, которую всегда можно перелистнуть. Автор также есть некто, встречающийся в мире. И он подлинно говорит лишь из раскрытости бытия, благодаря своей принадлежности речи. Имя автора только маскирует подлинную возможность понимания сказанного, как сказанного самой речью через него и посредством него. Итак, мы готовы дать предварительный ответ на заданные четыре вопроса, взяв их в применении к поэтической речи: 1. Говорит сама Поэзия. 2. Она выговаривает сама себя. 3. Она говорит о самой себе. 4. Ее речь обращена к самой себе.

Речь, говорящая себя в стихотворении Тютчева " *Silentiū!* " есть некоторая модификация поэтической речи вообще. А именно, она представляет собой совет. Совет: "молчи, скрывайся и тай!" Подлинно постичь совет означает выявить его внутреннюю структуру, делая возможным его понимание. Поскольку совет есть модификация речи вообще, его внутренняя структура есть модификация структурного единства речи как таковой. Итак, следует ответить на следующие четыре вопроса:

1. Кто советует ?
2. Что советует ?
3. Какую ситуацию предполагает совет?
4. К кому совет обращен?

Руководящей нитью в нашем исследовании будет предварительное раскрытие того, что в данном случае, являющемся частной модификацией советующей речи вообще, подлинная возможность советования предполагает в роли советующего. А именно, она предполагает саму Поэзию, дающую совет самой себе по поводу самой себе в ситуации своего собственного самообнаружения. Дальнейшая конкретизация, однако, имеет целью достижение прозрачности и ясного видения модусов бытия Поэзии, предполагаемых вышеприведенными четырьмя вопросами – модусов бытия, дающих в совокупности возможность говорить о целом Поэзии как таковой.

Поэзия обращается к себе с советом "молчи". Не кажется ли это парадоксальным? Ничуть, ибо молчание является само модусом речи. Немой не может молчать. Какова, однако, та Поэзия, которая призывает себя к молчанию, как к своей собственной возможности? Ее чувства и мысли – "звезды и ночи". Как мы можем понять это определение?

Со времен ранней античности и до наших дней свет означал возможность понимания и само понимание. Мы говорим о "естественном свете", "Божественном свете", "свете разума" и т.д., имея в виду различные возможности понимания. Какую возможность понимания мы были бы склонны назвать "светом звезды"? Нам представлены здесь чувство и мысль, взятые сами по себе, но со всех сторон, окруженные мраком, т.е. областью сокрытого. "Светом звезды" мы называем, таким образом, светящее, но не освещающее, понятное, но не разъясняющее или, иначе, оставляющее сокрытым посредством своего самообнаружения.

Это свечение–благодаря–оставленности–во–мраке есть прадракрытое в традиционном описании люциферическое свечение (Люцифер–утренняя звезда), т.е. свечение зла и заблуждения. Заблуждение, дающее себя понять само по себе, благодаря чистой форме своей обнаруженности, вместе с тем изолированно и лишено конституирующей силы. Заблуждение, выпадая из единства мира, как конституирующего себя начала, окружено границей мрака, обличающего его природу.

Таким образом, поэзия, к которой обращен совет, есть дву-мысленная речь, понятная, но не делающая понятным, видимая, но не дающая видеть, т.е. неподлинная речь. Эта неподлинная речь питается подземными ключами — источниками сокрытого демонического мира. Ее думы — таинство и волшебство. / Есть целый мир в душе твоей Таинственно-волшебных дум/ в противоположность духу и истине. И отношение ее к думам есть отношение не слушания, а любования /Любуйся ими.../. Модус самообнаружения этих дум есть не речь, но пение / Внимай их пенью.../, т.е. неартикулированное смыслом звучание, отрицающее изначальную раскрытость слова видимого и умеющего видеть и возвращающее его в недифференцированность плоско-созерцательного отношения, теряющего онтологическую основу.

Такова Поэзия, к которой обращен совет. Следует теперь выяснить, какова ситуация, предполагаемая советом, т.е. какова раскрытая через совет природа поэтического слова: "Мысль изреченная есть ложь". Это высказывание представляется парадоксом хотя бы потому, что само предстает как изреченная мысль и, следовательно, утверждает свою собственную ложность. Вместе с тем, такое истолкование было бы поспешным.

Под "мыслью" здесь имеются в виду думы, природа которых достаточно полно была охарактеризована выше, т.е. мысли как "звезды в ночи". То, что имеется в виду утверждением "мысль изреченная есть ложь", может быть понято как опровержение известной теории о коммуникативной природе языка. Эта теория, разделяемая почти всеми современными лингвистическими школами, в частности всеми зарубежными и советскими структуралистами/ Соссюр, Хомский, Якобсон, Мельчук, Лотман и т.д./, представляет язык как средство тем более совершенное, чем более оно способно к их неискажающей транспортировке от говорящего к слушателю. Тютчевский совет предполагает противоположный взгляд на язык. Сама изреченность мысли, само говорение мысли, внесенной актом ее произнесения в просвет бытия, в котором всякая речь говорится, гасит ложное свечение и уничтожает ложное понимание. "Мысль изреченная есть ложь" означает, что искажающее воздействие выказанности неизбежно и лежит в самой природе речи. Это "искажение" есть, однако, подлинное "выпрямление" или даже просто выявление самого смысла. Оно обнаруживает истину как истину и ложь как ложь в

самом акте "изречения" мысли.

Тютчевское понимание поэтического слова может быть противопоставлено также и герменевтической традиции, идущей от Хайдеггера. Истинность высказанного устанавливается, если следовать ей, скорее в молчании, как подлинном модусе речи. Всё высказанное может стать жертвой двусмысленности, и герменевтика укоренена в молчаливой решительности, берущей на себя исторически раскрытые возможности речи. Мы наблюдаем здесь отголоски старой мудрости "Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать".

Тютчев, напротив, делает речь судьей над молчанием. Демоническое, изолированное понимание изобличается как ложь, когда начинает звучать в качестве поэтической речи: его ~~дневные~~ "дневные разгонят лучи" — лучи солнца, традиционно отождествляемого со "светом истины". Поднятые наружу — взорванные — источники подземного мира обнаруживают свою нечистоту, свою "мутность". Демоническое "вечное возвращение", совершающееся во мраке — "встают и заходят оне" противопоставляется здесь дню — сфере исторического. Мы говорим "бегут дни" в том же смысле, что говорим "бежит время", но мы не скажем подобным же образом: "бегут ночи". Заблуждение неизменно, тогда как истина исторична. Различать знаки времени — к чему призывал нас Христос — означает различать фазы дня, но не созерцать мрак ночи и в ней вечное круговращение звезд. "Вечное возвращение", "цикл времен" — это синонимы бого-и истинно-оставленности.

Итак, мы ответили на вопрос, поставленный вначале: какова структура тютчевского совета? А именно, Поэзия дает совет себе самой, в той мере, в которой она пребывает в модусе неподлинного бытия, молчать, скрываться и таиться, ибо неподлинность сама обнаруживает себя как ложь, будучи сказана.

Остается лишь один вопрос: если Поэзия и в модусе неподлинного бытия не утрачивает своего дара говорить истину, хотя бы и наглядным изобличением произносимой ~~ее~~ устами лжи, то кто же автор этой лжи и кто ее говорит? Т.е. кто замещает Поэзию как таковую, кто совершает подмену, пользуясь полным мраком? Кто является хозяином неподлинного бытия Поэзии? Тютчевский ответ: это сердце (Как сердцу высказать себя?). Не речь говорит, но говорит сердце, запертое во тьме грудной клетки, и говорит ложь. Что же делать? И в чем состоит совет? Заставить сердце молчать, скрываться и утаиваться. Аскеза и молчание должны стать уделом того, в ком голос сердца заменяет собой речь, говорящую самой Поэзией.